

Реэвакуация Белэваком беженцев и военнопленных в 1922 г.

А.М. БАБКОВ

Белэвак – крупнейший эвакуационный орган на западной границе по возвращению беженцев, военнопленных из РСФСР, других советских республик в Польшу. Являясь структурным подразделением Центроэвака РСФСР, Белэвак тесно взаимодействовал с правительством и эвакуационными органами БССР. По его инициативе в Козырево был оборудован беженский лагерь, что позволило предотвратить эпидемию тифа в г. Минске и ее распространение вместе с беженцами в Польшу. В 1922 г. основная масса беженцев выехала в Польшу, большая часть из которых направлялась в Западную Беларусь. В конце 1922 г. Белэвак прекратил свою деятельность.

Ключевые слова: Белэвак, Минск, Козырево, беженцы, эшелон, транзит, эпидемия.

Belarusian Evacuation Committee (Belevac) is a large evacuation body at the western border that helps the refugees, prisoners from the RSFSR and other Soviet Republics come back to Poland. Being a structural branch of the Central Evacuation Committee of the RSFSR, Belevac was interconnected with the government and evacuation bodies of BSSR. On its initiative in Kozyrevo there was founded a refugee camp, which made it possible to prevent the epidemic of typhoid fever in Minsk and its spread together with the refugees to Poland. In the year of 1922 most of the refugees went to Poland, the majority of whom were directed to Western Belarus. At the end of 1922 Belevac stopped its function.

Keywords: Belevac, Minsk, Kozyrevo, refugees, echelon, transit, epidemic.

Хлынувший осенью 1921 г. поток беженцев и переселенцев из пораженных голодом губерний РСФСР и советской Украины к западной границе осложнил отлаженную систему работы эвакуационных органов Главэвакзапа в Беларуси и привел к росту напряженности между РСФСР и Польшей при обмене беженцами и другими контингентами населения. Как только возникла угроза массового голода в Поволжье, Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин 10 августа 1921 г. обратился с нотой к правительствам Польши и Прибалтийских республик «прийти на помощь собственным согражданам в России и довести до максимума прием отправляемых в пределы их территорий беженцев, оптантов и военнопленных, очутившихся в голодных районах». Советское правительство считало необходимым открыть «на польской границе третий пункт..., чтобы в первую очередь направить в Польшу эшелоны людей, которым в Поволжье грозит голодная смерть». Г.В. Чичерин сообщал, что голод в «поволжских губерниях Европейской России... особенно тяжело отразился на беженцах, загнанных в эти районы великой войной 1914 г. из окраинных государств». Однако польское правительство не согласилось с советским предложением об открытии дополнительно пропускного пункта и «настаивало на планомерной репатриации польских беженцев» [1, с. 258–259]. Советская сторона расценила это как «совершенно неслыханный шаг Польского правительства, который имел своим последствием тысячи голодных смертей польских беженцев», что является «прямой виной Польского правительства, не желавшего дать возможность лишним тысячам польских беженцев спастись из голодного Поволжья». Польские власти также добивались приостановления пропуска через границу беженцев, двигавшихся «самотеком». Российско-украинская делегация Репатриационной комиссии в Варшаве рассматривала изменившуюся польскую позицию в отношении стихийных беженцев как «новое, до сих пор не применявшееся Польшей ограничение», которое «не может не иметь самые тяжелые последствия для польских беженцев» [2, с. 113]. Она отмечала, что «в стремлении беженца домой всегда, даже в нормальных условиях репатриации проявляются стихийные элементы. Беженца трудно, даже невозможно убедить ждать своей очереди, и он стихийно, не считаясь ни с чем, стремится на свои родные места» [2, с. 113]. Особую тревогу польской стороны вызывали опасения возникновения эпидемии среди беженцев, которая могла быть занесена ими в Польшу. В ноябре 1921 г. польская сторона направила письмо российско-украинской делега-

ции Репатриационной комиссии в Варшаве, в котором выдвинула «требование, чтобы с российской и украинской стороны на границе для содержания польских беженцев были устроены бараки и санитарно-питательные пункты». Российско-украинская делегация в ответном письме признавала, что «нельзя отрицать печального факта, что среди польских беженцев, движущихся к границе, открываются случаи заразных заболеваний», с которыми трудно бороться, «ибо нельзя избежать посадки беженцев, находящихся в инкубационном периоде болезней, а больные беженцы тщательно скрывают свою болезнь, не желая быть снятыми с эшелона» [2, с. 113].

Основная тяжесть по обслуживанию появившейся в конце 1921 – начале 1922 г. в Минске новой категории беженцев – переселенцев из пораженных голодом губерний РСФСР и Украины – ложилась на Белэвак, аппарат которого столкнулся в своей работе с дополнительными обязанностями.

9 января 1922 г. начальник Белэвака М. Стоковский в докладной записке обращал внимание Совнаркома БССР на то, что Белэвак вынужден был выполнять несвойственные ему функции по обслуживанию немцев-колонистов, хотя «эти люди, не имеющие никакого отношения к Белэваку, очень отягощали эвакуационный аппарат». Согласно инструкции Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) при ВЦИК РСФСР, «все лица, не подлежащие перевозке органами Центроэвака, а таковыми являются немцы-колонисты, остаются на попечении местных комиссий помощи голодающим через соответствующие органы исполкома – собес, здравотдел, отдел наробразованья и коммунальный отдел» [3, д. 782, л. 17]. Призванные для опеки немцев-переселенцев органы устарились от этой работы, ограничившись выделением Белэваку, возложившему на себя тяжелое бремя попечения о немцах-колонистах, 300 млн. руб. для обустройства общежитий, незначительных продресурсов в количестве 320 пуд. муки, 6 пуд. масла, 15 пуд. картофеля, 5 пуд. сахара. Белэвак вынужден был дополнительно из собственных резервов выдавать немцам-колонистам по четверти фунта хлеба на одного здорового и один фунт хлеба на одного больного человека [3, д. 782, л. 17]. Он передал два общежития для размещения немецких переселенцев, подготовка которых к зимнему сезону задерживалась из-за отсутствия кредита. М. Стоковский выражал озабоченность ростом заболеваний среди немцев-колонистов, среди которых было значительное количество больных, что угрожало возникновением эпидемии в городе. Развитие эпидемии среди беженцев вызывалось «недостаточным питанием, сгущенностью в общежитиях, скрыванием болезни самими больными, антисанитарным состоянием общежитий». Рост заболеваемости развивался с такой быстротой, что «медперсонал был не в состоянии успевать с выделением больных от здоровых». В медучреждениях Белэвака не хватало мест для размещения больных, численность которых составила 824 человека, не считая находившихся на излечении в больнице Наркомздрава [3, д. 782, л. 17 об.]. Начальник Белэвака считал, что с развитием эпидемии в городе можно было бороться только совместными усилиями Наркомздрава БССР и Белэвака, хотя госпитализацией немцев-колонистов должен был заниматься Наркомздрав, а в компетенцию Центроэвака входило только санитарное наблюдение, снятие больных из эшелонов и установление диагноза. Но в сложившихся чрезвычайных условиях Белэвак вынужден был взять на себя часть функций Наркомздрава. Он выделил одно из своих общежитий для оборудования околodka на 500 мест. Однако из-за невозможности организовать в нем госпитализацию больных он стал «лишь свалочным местом для больных». Только после перевода Помголом денег Белэвак приступил к дезинфекции общежитий. На Александровском железнодорожном вокзале был установлен банно-прачечный поезд, через который проходили все контингенты населения, прибывавшие в Минск, после чего их размещали в общежитиях. Из-за ограниченных возможностей банно-прачечного поезда, который в день обслуживал до 250 человек, ускорить прохождение немцев-колонистов через баню и дезинфекцию можно было, только предоставив им возможность пользоваться военной гарнизонной баней [3, д. 782, л. 17 об.]. Однако предпринятых мер оказалось недостаточно, чтобы предотвратить надвигающуюся эпидемию в Минске. Слабость аппарата Наркомздрава БССР, его устранение от лечения больных немцев-колонистов, начавшееся массовое заболевание их тифом вынудили начальника Белэвака М. Стоковского

заявить об угрозе «общегосударственного бедствия», а ответственность за сложившееся положение возложить на «преступно-халатное отношение Главэвакуа к Белэваку, его оторванность от мест...» «В то время, когда НКВД РСФСР выдает своим сотрудникам миллионные авансы, для работников Белэваку нет средств для уплаты им жалованья», – заявил М. Стоковский [3, д. 782, л. 18]. Во избежание перебоев в обеспечении Белэваку финансовыми и материальными ресурсами, которые губительно отражались на работе Белэваку, М. Стоковский обратился к правительству БССР с просьбой о «включении продовольственной и денежной сметы Белэваку в общую смету Совнаркома Белоруссии» и выделении кредита в сумме 1 млрд. рублей для ремонта и обустройства помещений. Это позволило бы разместить и обеспечить питанием до 1,5 тысяч переселенцев из Поволжья [3, д. 782, л. 18].

10 января 1922 г. М. Стоковский направил начальнику Главэвакуа Л. Розенгаузу письмо, в котором он возложил ответственность за катастрофическое положение Белэваку на управление Главэвакуа, не проявившее к нему должного внимания. Он потребовал экстренного отпуска Белэваку денег, продовольствия и увеличения численности сотрудников медсанотдела. «Эпидемия, растущая с каждым часом, заставляет расширить аппарат. Смертность среди беженцев колоссальная. Ежедневно хороним по 50–70 трупов» [3, д. 782, л. 19]. М. Стоковский видел выход из сложившейся кризисной ситуации «в выделении Белэваку из хозяйственного подчинения несправляющегося со своими заданиями Главэвакуа и передаче его Совнаркому Белоруссии, а также перевода Белэваку кредита на 1922 г.» [3, д. 782, л. 19].

Отвечая на обвинения М. Стоковского, коллегия Главэвакуа представила начальнику Центроэвакуа заключение, в котором дала свою оценку работы Белэваку и его руководителя. В целом она положительно охарактеризовала роль Белэваку в эвакуации беженцев, военнопленных и ликвидации «самотека». «В этом отношении его работа равно велика работе Вязьмы, Смоленска, Орши и Борисова». Было также отмечено, что Белэваку со своими прямыми обязанностями справлялся без перебоев. Что касается фактической стороны высказанных М. Стоковским претензий в адрес Главэвакуа о недостаточном финансово-материальном обеспечении Белэваку, то Главэвакуа привел данные о выделении в 1921 г. Белэваку ассигнований в сумме 862 млн. руб. и переводе в декабре на погашение дефицита Белэваку еще 300 млн. руб., остаток которого составил 350 млн. руб. [3, д. 782, л. 26]. В 1921 г. Белэваку также снабжался продуктами питания. В Главэвакуа пришли к выводу, что чрезвычайно тяжелое положение Белэваку было обусловлено как объективными причинами, связанными с общим состоянием республики, так и субъективными, усугубившими положение. Возложив на себя, вопреки предписаниям Главэвакуа, всю работу по обслуживанию немецких колонистов и голодающих Поволжья, Белэваку не установил соглашения с заинтересованными ведомствами по поставкам ему материальных и финансовых ресурсов. На Белэваку была возложена ответственность за то, что он «произвольно принял на себя несвойственную работу наркоматов Белоруссии, что неминуемо должно было привести к срыву системы финансирования и снабжения» [3, д. 782, л. 26].

Главэвакуа отклонил ходатайство М. Стоковского о выведении Белэваку из подчинения Центроэвакуа «как нарушающее общий план эвакуации и снабжения эвакуов», а администрации Белэвакуа было «поставлено на вид обращение в Совнарком и ЦИК Белоруссии с выпадами на свой центр, не вызванными действительными обстоятельствами дела и подрывающими авторитет областного объединения Центроэвакуа, ничем не скомпрометированную за долготлетнюю свою деятельность» [3, д. 782, л. 26].

Вспышка заболеваний тифом беженцев и переселенцев, прибывавших в Минск из пораженных голодом губерний Поволжья, и угроза возникновения эпидемии среди жителей города потребовали от Белэваку решительных действий по быстрой отправке транзитных беженцев на родину и усилению медико-санитарного контроля за временно проживавшими в Минске беженцами. Особенно остро встал вопрос об изоляции беженцев и переселенцев от населения города.

Белэваку сообщал в Совнарком БССР, что «с наступившими холодами в проходящих через Минск из голодных местностей эшелонах беженцев обнаружались массовые заболевания, главным образом сыпным и возвратным тифом. Эшелоны прибывают без печей, и это

увеличивает смертность. С эшелонов снимают до 60–70 больных и 40–50 трупов». Больницы Комнарздрава и военный госпиталь в Минске были на 75–80% заполнены беженцами. Вновь прибывавших больных негде было размещать. «Бывают случаи, когда больные развозятся по всему городу из одной больницы в другую и нигде свободных мест не имеется» [4, д. 87, л. 61]. Кроме транзитных беженцев, в общежитиях Белэвака скопилось свыше 3 тыс. человек, которые прибыли в г. Минск без нарядов Центроэвака. Среди них ежедневно заболевает свыше 30 человек. Из-за нехватки свободных мест в общежитиях «прибывшие беженцы валяются по несколько дней на вокзале под открытым небом». В Минске также задерживалась отправка на родину свыше 2 тыс. демобилизованных красноармейцев, которым из-за утерянных документов польской стороной не выдавались визы на въезд в Польшу. «Оборванные, голодные, в холодных общежитиях они волнуются. Среди них создается самое неблагоприятное настроение для советской власти» [4, д. 87, л. 61].

Заведующий медсанотделом Главэвакзапа доктор Д. Кантор отмечал, что «в прошлом году эпидемия холеры заносилась в Западные области беженцами – репатриантами Польши. В этом же году (1922. – А.Б.) помимо них переносчиками заболеваний являются также беженцы голодающих губерний, оседающие в Западных областях и представляющие благоприятную почву для распространения холеры» [3, д. 803, л. 41].

Для всех прибывавших в Минск беженцев мест в общежитиях Белэвака не хватало. Поэтому часть «самотечных» беженцев располагалась лагерем около станции по линии железной дороги и в разрушенных домах. Из-за недостаточной вместимости и сильной скученности беженцев в общежитиях не поддерживалось надлежащее санитарное состояние, и они становились очагами эпидемии. Ответственность за неудовлетворительный санитарный контроль в общежитиях была возложена на заместителя начальника Белэвака А. Цукермана, который был отпущен из-под ареста только после вмешательства Главэвакзапа. Последний считал, что Белэвак допустил крупную ошибку, когда «своевременно не построил для беженцев лагерь в Козырево», а «антисанитарное состояние общежитий явилось следствием общей политики Белэвака, а не виной отдельного лица» [3, д. 840, л. 2].

Общение беженцев с городскими жителями вело к распространению среди последних эпидемических заболеваний. Поэтому перед Белэваком и правительством БССР встал вопрос о перемещении беженцев и переселенцев за город и изоляции их в одном лагере. Наиболее подходящим для этого местом являлся Козыревский лагерь, который находился в пяти километрах от Минска по ж/д Минск – Гомель. В нем размещался бывший лагерь польских военнопленных, часть помещений которого была занята под склады Внешторга БССР. В управлении Белэвака план ремонта барачков Козыревского лагеря появился осенью 1921 г. Но его осуществление было отложено из-за финансовых трудностей [4, д. 84, л. 75 об.]. Когда в конце 1921 – начале 1922 гг. заболеваемость тифом среди беженцев и переселенцев достигла пика, Белэвак развернул активную деятельность по передаче Наркомвнешторгом Козыревского лагеря в его ведение.

В марте 1922 г. на межведомственном совещании представителей Санчрезкома, Белэвака, горисполкома, Комхоза, Внешторга БССР было принято решение о передаче Белэваку помещений Козыревского лагеря [3, д. 97, л. 131]. Совнарком БССР поддержал решение межведомственного совещания и оказал всяческое содействие Белэваку в ремонте и оборудовании помещений в Козырево [3, д. 782, л. 70]. Весь ремонт беженского лагеря должен был обойтись в сумму около 10 млрд. рублей. Совнарком БССР брал на себя 50% финансовых расходов на ремонт и обустройство помещений для беженцев и переселенцев, а другую половину финансирования должен был выделить Центроэвак из средств, направляемых Помголом РСФСР для Центроэвака на нужды голодающим [3, д. 97, л. 131].

В марте 1922 г. Минским горисполкомом было отпущено на ремонт помещений 1 млрд. рублей. Белэвак выделил строительные материалы. Л.И. Розенгауз после согласования с начальником Центроэвака С. Поповым перевел на счет Белэваку 500 млн. рублей из 3-х млрд. кредита. Установленная для Санчрезкома сумма в 1 млрд. рублей на ремонт барачков весной 1922 г. так и не поступила [3, д. 782, л. 70]. Ремонт помещений занимался Комхоз. 24 марта 1922 г. М. Стоковский докладывал начальнику Главэвакзапа Л.И. Разенгаузу, что «к

ремонт Козырево уже приступлено, ... но если средства не будут отпущены, все пойдет на смарку, и Комхоз прекратит строительные работы. ... Ограничиться только постройкой двух-трех бараков мы не можем, так как переселив туда беженцев, необходимо сейчас же иметь в Козырево питпункт, амбулаторию, баню, дезкамеру и прочее» [3, д. 782, л. 70]. М. Стоковский обращался к Л. Розенгаузу с просьбой срочно перевести Белэваку оставшуюся сумму кредита, т. к. 200 млн. рублей на ремонт уже потрачены.

План ремонта Козыревского лагеря для беженцев и переселенцев из голодающих губерний получил одобрение в центральных органах РСФСР, занимавшихся оказанием помощи беженцам и голодающим Поволжья. М. Стоковский сообщал в управление Главэвакуа, что ЦК Помгол согласился с необходимостью ремонта в Козырево, «но за деньгами отправил в Центроэвак» [3, д. 782, л. 70].

В начале марта 1922 г. в Москву в управление Центроэвака направилась делегация учреждений БССР в составе зам. начальника Белэвака А. Цукермана и заместителя Наркомздрава доктора Яффе для изыскания средств на ремонт в Козырево. Л.И. Розенгауз в телеграмме на имя начальника Центроэвака сообщал, что, несмотря на одобрение центральными учреждениями необходимости ремонта и оборудования помещений Козыревского лагеря, финансовых ассигнований от них не поступило. Центроэвак РСФСР не спешил с выделением кредита для ремонта беженского лагеря в Козырево, ссылаясь на то, что деньги не поступают на его счет от Наркомфина РСФСР. По декрету 12 января 1922 г. последний в двухдневный срок должен был перевести деньги Центроэваку на помощь голодающим, но до середины марта они так и не поступили. После повторного представления Центроэвака о выделении кредита на сумму в 2 млн. золотых рублей для оказания помощи голодающим Наркомфин РСФСР включил эту статью в общую смету Центроэвака, но она также не была утверждена бюджетным совещанием [3, д. 782, л. 70].

В марте 1922 г. председатель Совнаркома и ЦИК БССР А. Червяков, Наркомздрав БССР А. Семашко, председатель Чрезсанкома Г. Липманов обратились в Центроэвак с просьбой о выделении 95,8 тыс. золотых рублей для скорейшего ремонта Козыревского лагеря [4, д. 87, л. 130]. Опасаясь развития эпидемии тифа в Минске, правительство БССР считало самой неотложной мерой оборудовать изолированный от городского населения лагерь в Козырево вместимостью до 5 тыс. человек, чтобы «окончательно освободить город от беженцев и в корне пресечь угрозу эпидемии» [4, д. 87, л. 130].

Несмотря на холодное время, в начале 1922 г. беженцы продолжали прибывать в Минск, хотя и в меньших масштабах по сравнению с 1921 г. Если в январе 1922 г. в Белэваке было зарегистрировано 5964 беженца, что было несколько меньше, чем в декабре прошлого года, то в феврале их численность уменьшилась до 3820 человек, а в марте – до 3373 человек [4, д. 84, л. 176]. В апреле-мае наблюдалось значительное увеличение притока беженцев и демобилизованных красноармейцев, преимущественно из пострадавших от засухи губерний РСФСР и Украины. Летом динамика движения беженцев стабилизировалась и установилась приблизительно на одном уровне. Для уменьшения массового наплыва беженцев в Минск были «установлены большие штрафы за самовольный их въезд в Беларусь», но это не остановило движения беженцев к западной границе, стремившихся весной вернуться на родину. Значительную их часть составляли крестьяне, которые весной устремились домой, чтобы своевременно приступить к сельхозработам.

Установлением статуса беженцев, их регистрацией и организацией отправки на родину занимался регистрационно-эвакуационный отдел Белэвака. Ознакомившись с его работой, комиссия рабоче-крестьянской инспекции БССР во главе Фодиманом одобрила его деятельность. Все беженцы распределялись на четыре категории эшелонов. В первую категорию включались беженцы, постоянно проживавшие в городе и его окрестностях, которые по мере формирования списков отправлялись домой. Во второй разряд эшелонов включались беженцы Польши, в третий – литовские беженцы. Отдельно регистрировались беженцы, следовавшие гужевым транспортом. Списки беженцев, направлявшихся в Польшу, утверждались польской делегацией непосредственно в Минске. Списки беженцев Литвы направлялись в Москву для утверждения литовской делегацией, что тормозило процесс их реэвакуации. В

целом со дня регистрации и до дня отправки эшелона беженец задерживался в Минске в течение 6–7 дней, а при отсутствии в городе польской делегации – до четырех недель. У лиц, отказавшихся от своих беженских прав, изымалась подписка, их документы направлялись в распоряжение НКВД, и данные беженцы лишались права на оптацию. Эшелоны с беженцами, сопровождаемые сотрудниками Белэвака, на границе передавались властям Польши или Литвы [3, д. 444, л. 135]. С осени 1921 г. в Минске больше не регистрировалась значительная категория беженцев-гужевиков, которые следовали на родину через Слуцкий эвак. В конце 1921 г. беженцы Литвы и Латвии из Минска направлялись в Витебский губэвак для регистрации и отправки домой [4, д. 84, лл. 75, 70]. Однако не все беженцы спешили регистрироваться, особенно когда среди них стали искать потенциальных вредителей и начались преследования по национальному признаку, прежде всего в отношении к беженцам еврейской и польской национальностей. Эвакуационные органы стремились «протолкнуть» за границу возможно большее количество выходцев из рабоче-крестьянской среды, особенно из голодавших губерний Поволжья, а также неработоспособных. И в то же время тормозилась реэвакуация рабочих квалифицированного труда. На границе придирчивой проверке подвергались демобилизованные красноармейцы, направлявшиеся в Польшу, многие из которых были выходцами из Западной Беларуси, отошедшей по Рижскому договору к Польской Республике.

Зарегистрированные контингенты населения размещались в общежитиях Белэвака и переходили на его обеспечение и медицинское обслуживание. В феврале 1922 г. за Белэваком числились четыре общежития на ул. Ново-Московская, д. 66 и Захарьевская, д. 16 и д. 26. Вместо поврежденного в январе 1922 г. во время пожара общежития по ул. Захарьевской Белэвак открыл новое общежитие по ул. Койдановской, д. 26. В двух общежитиях Белэвака размещались немецкие колонисты из Поволжья, которые в мае 1922 г. были переданы в распоряжение Красного Креста [4, д. 82, лл. 152, 172]. Опекаемые Белэваком контингенты населения обеспечивались питанием, которое выдавалось в столовой. Однако в условиях продовольственного кризиса сократился до минимума отпуск Белэваку продуктов из продбазы Главэвакзапа, а получить продукты в местных продорганах было невозможно. Поэтому нормы питания постоянно уменьшались. 24 февраля 1922 г. приказом по управлению Белэвака устанавливалась дневная норма питания для проживавших в общежитиях здоровых контингентов по 0,5 фунта хлеба, 1/8 фунта мяса, 12 золотников круп, 1/3 золотника жиров, кофе и соль. Транзитных беженцев на станции Минск обслуживал передвижной питательный поезд. Для них устанавливался сухой паек: взрослым – 0,5 фунта хлеба, 1 золотник кофе и 3 золотника соли, а детям – 3/4 фунта хлеба, 3 золотника масла, 2 золотника сахара и кофе. Для больных беженцев в изоляторе, санлетучке и приемных покоях норма питания была увеличена и составляла 1 фунт хлеба, 15 золотников круп, 1/6–1/2 фунта мяса, 3,1 золотника жиров. При наличии в изоляторе выдавалось на человека 4,5 золотника масла, 0,5 кварты молока. Для тяжело больных предусматривался также усиленный паек [4, д. 82, л. 153]. Однако из-за дефицита продуктов установленные нормы питания зачастую оставались на бумаге, а беженцы голодали. В конце марта прекращалась выдача продуктов беженцам, прибывшим в Минск «самотеком» [4, д. 82, л. 161].

Для оказания беженцам медико-санитарной помощи при Белэваке функционировали амбулатория, изолятор, два приемных покоя, санлетучка, дезинфекционный отряд, прачечная, баня. Пик заболеваний среди беженцев и красноармейцев пришелся на зимний период, среди которых преобладали возвратный и сыпной тиф. По сведениям зав. медсанотдела Белэвака доктора Д. Кантора в первой половине 1922 г. через амбулаторию Белэвака прошло 5286 больных, в изоляторе количество койко-дней для больных составило 13523, в приемном покое – 27788 [3, д. 967, л. 5]. На изоляционно-пропускном пункте железнодорожной станции Минск осуществлялся санитарно-медицинский осмотр беженцев транзитных эшелонов. Наиболее массовая заболеваемость среди транзитных беженцев наблюдалась в начале 1922 г. В январе на изоляционно-пропускном пункте было осмотрено 117 эшелонов с численностью 89048 человек, из которых было выделено 637 больных. С эшелонов было снято, подобрано на ж/д путях и погребено 177 трупов. В приемных покоях умерло 163 больных. В санлетучке – 66, в изоляторе – 14 человек [4, д. 84, л. 108]. В феврале было осмотрено 68 эшелонов с

численностью 52176 человек, из них было выделено 428 больных, снято с эшелонов, подобрано и погребено 46 трупов. В течение месяца во всех медсанучреждениях изоляционно-пропускного пункта умерло от инфекционных заболеваний 230 человек [3, д. 967, л. 5]. Беженцы формировавшихся в Минске эшелонов перед отправкой подвергались обязательной санитарной обработке. Весной эпидемия пошла на убыль. В мае-июне были проведены массовые прививки, которыми было охвачено 53342 человека [3, д. 967, л. 5].

Белэвак предпринимал энергичные меры по «разгрузке» г. Минска от беженцев. Большинство их без задержки отправлялись в Польшу, за исключением случаев временного отъезда из Минска польской делегации Репатриационной комиссии. В январе-марте 1922 г. основная масса беженцев, прошедших регистрацию в Белэваке, возвратилась на родину. В апреле Белэвак отправил домой 5080 человек, что было почти в два раза больше, чем в марте, когда в Польшу выехало всего 2890 человек [4, д. 84, л. 138 об]. Основная масса беженцев направлялась в Западную Беларусь, отошедшую по Рижскому мирному договору к Польше. По данным Белэвака, в январе-марте 1922 г. в Западную Беларусь было направлено 9246 беженцев, из них белорусы составляли 6708 человек, евреи – 1905, поляки – 564. В течение этого времени непосредственно в этнографическую часть Польши через Минск возвратилось 4440 беженцев. В их составе преобладали также белорусы – 2608 человек, а вторую по численности национальную группу составляли поляки – 1118 человек. В поло-возрастном отношении беженцы возвращались домой семьями. Например, из реэвакуированных в январе 1922 г. Белэваком 7625 человек количество мужчин составляло 1965 человек, в т. ч. 233 красноармейца; женщин – 1783 человека. С ними направлялось домой 3877 детей [4, д. 84, л. 107].

С мая 1922 г. началась перерегистрация беженцев, проживавших в Беларуси, для плановой отправки в Польшу. 13 мая 1922 г. по Белэваку был издан приказ «довести до сведения всех беженцев Польши, проживавших в г. Минске, явиться до 15 мая в регистрационно-эвакуационный отдел Белэвака для регистрации на предмет отправки на родину плановым эшелонам... Беженцы, проживавшие в уездах Беларуси, должны были явиться для регистрации в Минск через свои исполкомы» [4, д. 82, л. 155].

В июне 1922 г. были завершены ремонтные работы по оборудованию в Козыреве беженского городка вместимостью 10 тыс. человек, куда были переведены беженцы, находившиеся ранее как в общежитиях г. Минска, так и на вокзалах. 3 июля Л.И. Розенгауз отмечал, что «концентрация всех прибывавших в Минск беженцев в одном месте, в Козыреве, дала возможность прекратить возникшую в городе эпидемию и освободить вокзалы и ж/д пути от беженских масс, которые скапливаясь, забивали пути, загрязняли вокзалы» [3, д. 97, л. 274]. Он сообщал, что в настоящее время в Козыревском лагере находится до 3 тыс. беженцев, а «дальнейшее существование беженского резервуара в виде Козырево настоятельно необходимо», т. к. «стремившиеся на родину в Польшу беженцы продолжают скапливаться в Минске» [3, д. 97, л. 274].

Высокую оценку работы сотрудников Белэвака дал Председатель ЦИК БССР А. Червяков. Он отметил, что, несмотря на интенсивную работу по репатриации беженцев мировой войны и при чрезвычайно ограниченном материально-финансовом государственном снабжении, сотрудникам Белэвака пришлось выполнять трудную задачу «по обслуживанию (кормлению, размещению, лечению) несчастных беженцев из голодающих губерний», т. к. «местные органы были совершенно неподготовлены к такому стихийному переселению». В исключительно тяжелых условиях работы, «сталкиваясь с очагами заразы, связанной с опасностью для своей жизни, сотрудники мужественно и самоотверженно исполняли возложенную на них работу..., свирепствовавшая эпидемия унесла в могилу многих из этих героев, а других сделала калеками на всю жизнь» [4, д. 82, л. 182]. Доведя до сведения сотрудников благодарность ЦИК БССР, начальник Белэвака приказом 17 июня 1922 г. по управлению назначил выдать каждому сотруднику одновременно по 10 фунтов риса, 2 фунта американского жира, 1 фунту конфет, 1 фунту мыла, 1 банке мясных консервов, 2 банки консервированного молока и 0,5 фунта кофе [4, д. 82, л. 182]. Чтобы предупредить распространение беженцами в г. Минске инфекционных болезней, отдел снабжения Белэвака открыл в лагере лавку по продаже продуктов питания и предметов широкого потребления по рыночным це-

нам. 9 августа 1922 г. приказом по Белэваку все учреждения, находившиеся в Козырево, за исключением регистрационно-резэвакуационного отдела, подчинялись в административно-хозяйственном отношении начальнику лечебно-питательного пункта [4, д. 82, л. 188].

В июне-июле 1922 г. приток беженцев оставался на достаточно высоком уровне и составил соответственно 4600 и 4799 человек в месяц [4, д. 112, л. 29]. С июля 1922 г. главное внимание эвакуационных органов уделялось ликвидации беженства Первой мировой войны. Со второй половины августа приток беженцев значительно сократился. Впервые в жилых помещениях Белэвака появились свободные места, и прибывавшие «самотеком» беженцы без задержки размещались в них для временного проживания. По-прежнему основную массу эвакуированных через Минск контингентов населения в Польшу составляли беженцы западно-белорусских районов.

По данным Белэвака, с апреля по октябрь 1922 г. в Западную Беларусь было направлено 13449 человек, или около 62% всего количества эвакуированных в Польскую Республику, среди них подавляющее большинство составляли белорусы (12047 человек) и всего лишь 868 поляков, 486 евреев. Из 7940 беженцев, возвратившихся в течение этого времени в этнографическую Польшу, белорусы составляли 3686 человек, поляки – 3120 и др. [4, д. 112, л. 26 об.].

Наиболее массовый поток беженцев и военнопленных из РСФСР и советской Украины возвращался через Минск в Польшу транзитным путем. В начале 1922 г. наблюдалась тенденция постепенного увеличения транзитных перевозок беженцев через Минск. Если в январе их численность составила 11455 человек, а в марте – 13263 человека, то весной транзитный поток беженцев существенно увеличился и составил в апреле-мае соответственно 18131 и 18650 человек. Летом отмечалось стабильно массовое передвижение поездов с беженцами. В июне-июле их численность составляла соответственно 17505 и 17627 человек. В августе-сентябре наметилась тенденция уменьшения численности транзитных беженцев, остановившись на отметке чуть больше 12 тысяч человек в месяц [4, д. 112, л. 29]. По данным зав. эвакуотделом Главэвакзапа, в 1922 г. через Минск прошло транзитом 139482 беженца [3, д. 643, л. 12].

В связи с уменьшением количества беженцев осенью 1922 г. Центроэвак сократил средства на содержание штатов Белэвака и обслуживание беженцев, закрыл часть его учреждений.

19 сентября 1922 г. приказом по управлению Белэвака была создана комиссия в составе представителей РКИ, отдела снабжения Любошица и счетно-финансового отдела Розина по ликвидации питпоезда, имущество и инвентарь которого были сданы на Центральный склад [3, д. 782, л. 131]. В октябре был расформирован изолятор Белэвака [3, д. 795, л. 18]. В соответствии с требованием Центроэвака 14 декабря управления Главэвакзапа и Белэвака провели совместное заседание, на котором было принято постановление о ликвидации Белэвака. Организационно-техническая работа по его расформированию возлагалась на комиссию в составе М. Стоковского, представителей Главэвакзапа и РКИ [3, д. 782, л. 150]. 27 декабря медучреждения Белэвака и Козыревского лагеря были переданы горздраву во временное пользование [4, д. 782, л. 155]. Таким образом, в 1922 г. Белэвак являлся крупнейшим эвакуационным органом на западной границе, который осуществил массовую резэвакуацию беженцев и военнопленных из советских республик в Польшу.

Литература

1. Документы внешней политики СССР. – М., 1960. – Т. IV.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М., 1966. – Т. IV.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 39. – Оп. 1.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 40. – Оп. 1.